

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'је</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор)</i>	<i>229</i>
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)</i>	<i>236</i>
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура</i>	<i>246</i>

М. М. Алексеева
(Москва)

Детский лексикон в карпатоукраинских говорах

В настоящей статье рассматривается детский лексикон, представленный в словарях карпатоукраинских говоров (лемковских, бойковских, закарпатских, гуцульских). Карпатоукраинский детский лексикон демонстрирует универсальные черты, свойственные речи взрослых, обращенной к маленьким детям, в различных языках. Кроме того, в нем нашли отражение контакты с другими языками карпатского региона (в первую очередь с польским), что определяет необходимость изучения карпатоукраинского детского лексикона в ареальном аспекте.

Ключевые слова: детский лексикон, регистр общения с детьми (РОД), карпатоукраинские говоры, диалектный словарь, подзывные слова

Детский лексикон — это специфические слова, которые используют в своей речи взрослые при общении с детьми младшего возраста (преимущественно от 0 до 2 лет). Для определения подобной речи взрослых используются термины *baby talk*, *nursery talk*, *child-directed speech*, *child-addressed speech* (в англоязычных работах); *материнская речь*, *речь, адресованная детям*, *язык нянь*, *автономная детская речь* (в русскоязычных исследованиях). Большинство терминов однозначно указывают на то, что в центре внимания находится именно речь взрослых, адресованная детям, однако в случае терминов *baby talk* и *автономная детская речь* это не столь очевидно. В связи с этим представляется удачным термин *регистр общения с детьми* (РОД), предложенный Т. О. Гавриловой [Гаврилова 2002], поскольку он позволяет избежать двоякой интерпретации.

Помимо специфической лексики, речи взрослых, обращенной к маленьким детям, присущ ряд устойчивых черт. К устойчивым и универсальным чертам РОД, выявленным в языках различных языковых групп, относят, в частности, более высокий тон речи, упрощение групп согласных, редупликацию как продуктивный способ словообразования, специфические звуки, характерные только для этого регистра, сдвиг местоимений (1 л. мн. вместо 2 л. ед. ч.), активное использование умень-

шительно-ласкательных форм и др. [Ferguson 1978]¹. Наличие особой лексики является одной из ключевых универсальных черт РОД.

Диалектная лексика РОД — в частности украинская — редко оказывается в центре внимания диалектологов². Настоящая статья продолжает начатое в [Алексеева 2021] изучение карпатоукраинской диалектной лексики РОД на материале уже не только лемковских, но и бойковских, гуцульских и закарпатских говоров.

Материалом для исследования послужили следующие словари карпатоукраинских говоров: «Słownik gwary łemkowskiej wsi Wysowa» А. Гойсака, «Короткий словник лемківських говірок» П. Пыртя, «Словник села Тилич на Лемківщині» Е. Турчин, «Лемківський словник» И. Дуды³, «Словник бойківських говірок» (т. 1–2) М. Онышкевича, «Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району» И. Сабадоша, а также словари гуцульских говоров «Słownik huculski» Я. Янова и «Словник гуцульських говірок Річки та Яворова» (ч. 1, А–Ж) М. Н. Астафьевой и А. В. Воронич⁴. Принималась во внимание лексика, снабженная специальной пометой «детское» («дит.» = «дитяче»). Кроме того, рассматривались некоторые уменьшительно-ласкательные наименования маленьких детей и людей, примыкающие к детским наименованиям людей по своим семантическим и формальным признакам (в рассматриваемых словарях они приводятся не с пометой «детское», а с пометой «пестл.» («пестливе») — «ласкательное» или «здрібн.» («здрібніле») — «уменьшительное»).

В указанных словарях детский лексикон представлен в различном объеме. Так, в лемковском словаре П. Пыртя (ок. 8000 реестровых слов) и гуцульском словаре Я. Янова (ок. 9000 реестровых слов) выявлено все-

¹ Подробнее об истории изучения РОД см. [Зеленкова 2016; Андреева 2018].

² Краткий обзор украинского диалектного детского лексикона и его изучения представлен в статье Т. Г. Линник [Линник 2002].

³ Словарь И. Дуды включает в себя материал различных лемковских словарей, в том числе упомянутых словарей Е. Турчин и П. Пыртя, однако в нем также представлена лексика, не зафиксированная в других словарях лемковских говоров.

⁴ Далее для указания словаря-источника используются следующие сокращения: Гойс. («Słownik gwary łemkowskiej wsi Wysowa»), Пырт. («Короткий словник лемківських говірок»), Турч. («Словник села Тилич на Лемківщині»), Дуда («Лемківський словник»), Оныш. («Словник бойківських говірок»), Саб. («Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району»), Jan. («Słownik huculski»), Аст. («Словник гуцульських говірок Річки та Яворова»).

го по 4 слова с пометой «детское». В «Словаре села Тылыч на Лемковщине» Е. Турчин (ок. 6500 реестровых слов) примерно 35 слов снабжены пометой «детское». В лемковском словаре А. Гойсака (ок. 3000 слов) выявлено около 50 слов с соответствующей пометой. В гуцульском словаре М. Астафьевой и А. Воронич (ок. 3500 реестровых слов) зафиксировано примерно полтора десятка специфических детских лексем. В двухтомном словаре бойковских говоров М. Онышкевича (ок. 17000 реестровых слов) примерно 60 лексем отмечены как *детские*. В словаре закарпатского говора И. Сабадоша (ок. 16000 слов) также выявлено примерно 60 детских лексем. О степени полноты представленности детской лексики в том или ином словаре можно судить, сравнивая данные словаря с вопросником для «Лексического атласа украинского языка» Дзэндзелевского, в котором имеется отдельный раздел «Детский лексикон» из 92 пунктов [Дзэндзелівський 1987]. Однако поскольку все перечисленные словари карпатоукраинских говоров относятся к словарям дифференциального типа, в них могли не найти отражение некоторые детские лексемы, закрепившиеся в украинском литературном языке.

В карпатоукраинской детской лексике можно выделить две основные функциональные группы: 1) обозначения ситуаций и действий, 2) обозначения людей и предметов.

1. Обозначения ситуаций и действий. Одна из ключевых особенностей детской речи на самых ранних стадиях ее развития — это наличие голофраз, то есть однословных высказываний, используемых для обозначения ситуации в целом, которые многие исследователи считают наиболее ранней синтаксической формой [Сигал 2019: 15]. Вслед за детьми подобные слова используют в РОД взрослые с целью обозначения некоей ситуации целиком, действия, а также призыва к действию (предостережение, побуждение). Последнее во многом сближает подобные слова с междометиями, и именно так обозначены некоторые из них в исследуемых словарях.

В указанных словарях карпатоукраинских диалектов выявлены следующие примеры детских слов, обозначающих ситуации и действия:

бусь (Турч.), *буб'ух*, *бух*, *бусь* (Аст.), *бух*, *бусь* (Оныш.), *бух*, *бусь*, *бусь* (Саб.), *бусь* (Гойс.) в значении 'упадешь!'. Оклик, которым предостерегают ребенка от опасности падения, получения травмы;

*zájci*⁵ (неизм., дет.) ‘гулять, идти на прогулку’ (Турч.);

гам, гáму (Оныш.); *гáму, гáмци* (Турч.) ‘есть’; *гам* ‘еда; есть’ (Аст.). Значения, приведенные для последнего примера, демонстрируют способность подобных детских слов совмещать в себе грамматические признаки различных частей речи, в данном случае существительного (‘еда’) и глагола (‘есть’);

гон 1) ‘упадешь’; 2) ‘прыгай’ (Оныш.). В указанных значениях слова *гон* отчетливо проявилась способность подобных слов передавать как предостережение, так и побуждение к действию;

гбба ‘танцевать, танцы, танцуй’ (Оныш.);

куп-куп ‘купаться’ (Саб.);

кусь ‘огонь, горячо (междометие, которым предостерегают детей, чтобы не касались огня)’ (Оныш.);

кусь-кусь ‘опасно, кусается’: *Мар’ичко, не! кывай ц’іку, бо ц’іка кусь-кусь* (Саб.);

но-но ‘междометие со значением запрета: нельзя’ (Саб.);

няй ‘не трогай’ (Оныш.);

пáйцю ‘спать’: *Ході пáйцю* (Оныш.). В том же словаре приводится вариант *спáйцю* ‘спать’. Вероятно, в первом примере нашла проявление тенденция к упрощению групп согласных в словах РОД;

пáць ‘огонь, горячо’ (Турч., Саб.);

дúду (Оныш.) ‘идти на прогулку, гулять’

прь-тю, пр-ту́, ну́-ну I (Оныш.) ‘прогулка, идти на прогулку’;

ну́-ну II ‘опорожняться’: *Ходи ну́-ну* (Оныш.);

пук ‘упасть, упадешь’: *Не йди, бо пук. Не йди, там пук!* (Оныш.);

спай-спай ‘спать’ (Оныш.);

тані-тані ‘междометие, которым стимулируют маленького ребенка хлопнуть в ладоши’ (Саб.);

хись ‘обожжешься’ (Гойс.);

цісьо, цісько ‘тихо, не плачь’ (Оныш.);

цю́нци ‘купать’ (Гойс.);

⁵ Ударение ставится, если оно указано в словаре-источнике. В словарях лемковских говоров ударение обычно не отражается, так как оно, как правило, фиксированное и падает на второй слог от конца слова, однако в настоящей статье ударение ставится и в примерах из лемковских говоров для удобства восприятия.

чiчi ‘стоять на ногах! (поощрение ребенка встать на ноги во время первых попыток ходить’: *Мар’ичко, чiчi!* (Саб.);

чyну-чyну ‘быстро идти, семенить’ (Оныш.)⁶.

Сюда же можно отнести слова, обозначающие физическое состояние ребенка (в частности, обозначения болевых ощущений):

бiбi ‘болит’ (Саб.);

бiжя ‘горячо, жжет’ (Аст.);

зюзьо ‘холодно’ (Турч.). В словаре И. Дуды для детских слов *дюддя, дзюдзя, зюдзя* дается значение ‘холод’.

Один из основоположников современной онтолингвистики А. Н. Гвоздев предложил периодизацию развития грамматики в речи маленьких детей, согласно которой этап голофраз, или, в терминологии ученого, период предложений, состоящих из аморфных слов-корней, — это самый ранний период становления грамматики (от 1 г. 3 мес. до 1 г. 10 мес.), за которым следует период усвоения грамматической структуры предложения (от 1 г. 10 мес. до 3 лет) и период усвоения морфологической системы, включая усвоение типов склонения и спряжения (от 3 до 7 лет) [цит. по: Гагарина 2008: 159].

Как видно из вышеприведенных примеров, в карпатоукраинских говорах встречается немало подобных аморфных слов-корней с глагольным значением, в которых отсутствует членение на основу и формообразующие аффиксы (*бусь, гоба, куп-куп, няй, пиць, хись* и пр.). При этом подобные аморфные слова могут быть представлены в нескольких вариантах (*гам / гáму*).

Карпатоукраинские детские аморфные слова на -у вызывают отдельный интерес как возможный результат контактов с польским языком. Подобные образования известны польскому РОД, а учитывая, что все примеры детских слов, оканчивающихся на -у, взяты из словарей лемковских и бойковских говоров, которые среди всех карпатоукраинских говоров наиболее активно контактировали с польским языком, можно с большой долей вероятности предположить, что мы имеем дело либо с прямыми заимствованиями из польского, либо с влиянием польской модели. В рассмотренных словарях встретились следующие примеры: *гáму* ‘есть,

⁶ К этой группе примыкают не имеющее пометы «детское» закарпатское *цйт, чить* ‘междометие, которым успокаивают ребенка, чтобы не плакал’ (Саб.) и бойковское *цит* ‘не плачь! тихо!’ (Оныш.).

еда' (Оныш.), *nánu* 'есть' (Гойс., Оныш.), *nánu-nánu* 'есть' (Дуда), *чуну-чуну* 'быстро идти, семенить' (Оныш.). Детская лексема *nana* в значении 'хлеб' известна не только украинским, но и русским говорам, а также имеет соответствия во многих славянских и европейских языках [СРНГ 25: 203–204; Фасмер 3: 200], тем не менее именно форма *ránu*, широко распространенная в польском РОД, говорит о том, что в случае бойковского *nánu* 'есть' мы, вероятно, имеем дело с полонизмом (на это указывает и сам автор словаря). К этому же подтипу можно отнести слово *бубу* 'болеть' (Турч.), которое в словаре приводится без пометы «детское», однако, несомненно, относится к детской лексике (ср. в том же словаре *буба* (дет.) 'ранка, больное место', *бубати* (дет.) 'болеть'), а также бесспорный полонизм *гаду-гаду* 'болтать' (Оныш.), сфера употребления которого не ограничена РОД (пол. *gadugadu* от *gadać* 'болтать'). В детском лексиконе обнаруживаются и другие результаты длительных контактов карпатоукраинских говоров с польским языком, что требует отдельного изучения.

От аморфных слов образовано немало полноценных глаголов, также снабженных в обследованных словарях пометой «детское»: *бібі* 'болит' — *бібіти* 'болеть': *Мамко, менé нушка бібііе* (Саб.); *гам* 'еда, есть' — *гамати* 'есть' (Аст.); *гам* 'есть' — *гамцяти* 'есть' (Оныш.); *гон* 1. 'упадешь', 2. 'прыгай' — *гоннути* 'упасть' (Оныш.); *люлю* 'спать' — *люляти* 'лежать, спать' (Турч.); *nánu-nánu* 'есть' — *nanáти* 'есть' (Дуда); *піць!* 'горячо, огонь!' — *піцти* 'печь' (Саб.); *тосі* 'междометие для обозначения хлопанья в ладоши' — *тосяти*: *Тос'ай, тос'ай!* 'хлопать в ладоши' (Оныш.); *цюпці* — *цюпцяти* 'купаться' (Гойс.).

От аморфных слов в РОД могут образовываться не только глагольные дериваты, но и существительные: *піць* 'горячо!' — *піця* 'огонь' (Оныш.); *хись* 'обожжешься, горячо' — *хися* 'огонь' (Гойс.) и др.

В карпатоукраинских словарях зафиксировано также довольно много глаголов с пометой «детское», морфологически оформленных как обычные глаголы и при этом не имеющих соответствий среди аморфных слов (или же подобные слова не нашли отражение в словаре): *гейзяти*, *гуцяти* (Гойс.), *бавцяти* 'играть'⁷ (Дуда); *лізькати* 'ложиться' (Саб.); *пла(я)цяти* 'плакать' (Дуда), *супати* 'сидеть' (Турч.) и др.

В словаре закарпатского говора Сабадоша зафиксированы также примеры глаголов с пометой «детское», отличающиеся от обычных глаголов

⁷ Второе значение «качать ребенка [в колыбели]».

наличием суффикса *-к-*: *пiшкати/попiшкати* (дет.) — *пiшати* ‘опорожнить/опорожнить мочевой пузырь’; *пiшкатися/попiшкатися* (дет.) — *пiшатися* ‘становиться мокрым от собственной мочи’ (и причастные формы от них *попiшканий* (дет.) — *попiшаний*). Сюда же скорее всего следует отнести глаголы *кiсiяти* (дет.) ‘кусать’ и *сiдiкати* (дет., ласк.) ‘садиться’ (Саб.), однако исходные глаголы [*кусати*] и [*сидати*], совпадающие с глаголами украинского литературного языка, не нашли отражения в этом словаре дифференциального типа. В случаях глаголов *чачiти/чачкiти* ‘то же самое, что *сидати*’ и *чiчати/чiчкати* ‘спать’ (Саб.), *цiюмати / цiюмкати* (дет., ласк.) ‘целовать’ (Оныш.) пометой «детское» снабжены обе формы. Здесь же можно упомянуть *пiткi* ‘пить’, *попiсiти* ‘поспать’ (и *спiти* в этой же словарной статье) из того же словаря, хотя частеречная принадлежность подобных образований является предметом дискуссии [Макарова 2011]. Кроме того, «детскость» отдельных глаголов в говорах достигается с помощью палатализованных согласных, свойственных как детской речи, так и РОД (*кiсiти* ‘кусати’ (Саб.); *лiзiти* ‘лiзти, лазити’: *не лiзiй, бо ся попiцяеш!* ‘не лезь, а то обожжешься!’ (Оныш.); *пiсьiти / пiсяти, сюсьiти / сюсяти* ‘писать’ (Дуда); *плацiяти* ‘плакать’ (Пырт.).

2. Вторую многочисленную группу в детском лексиконе составляют **наименования людей, предметов и явлений** окружающей действительности.

Наименования людей. Во многих языках некоторые ключевые термины родства, перешедшие впоследствии в нейтральную лексику, восходят к детскому лепету (например, *мама, папа*). Переход детских обозначений родства в нейтральную лексику можно считать универсальным явлением. Если говорить об украинских диалектах, то подобная судьба ждала диалектное западноукраинское *няньо* ‘отец, папа’, во многих говорах вышедшее за рамки РОД и ставшее основным обозначением отца, однако в гуцульском словаре Яна Янова слово *пана*⁸ (*нана*) снабжено пометой «детское» в значении ‘мать’.

Помимо терминов родства, в рассмотренных словарях карпатоукраинских говоров выявлено несколько лексем с пометой «детское», служащих для наименования людей по различным признакам:

⁸ Все примеры из словаря Я. Янова даются латиницей. Это уточнение необходимо во избежание неправильного прочтения примеров (в частности, здесь *пана* [нана], а не [папа]).

бе́ця ‘плакса’ (Турч.);

бе́кса, пля́кса ‘плакса’ (Дуда);

ля́ля ‘маленький ребенок’ (Турч., Дуда). Это слово известно практически всем украинским говорам и украинскому литературному языку (ср. *ляля* ‘(разг.) ребенок, обычно маленький’ [СУМ]);

ті́тка ‘ребенок’ (Саб.);

чу́жа ‘чужой человек’ (Саб.). Подобное значение зафиксировано только в этом словаре⁹.

К детским наименованиям людей, как уже упоминалось в начале статьи, примыкают уменьшительно-ласкательные наименования маленьких детей и людей: *дзядзьо* (ласк.) ‘дедушка’ (Пирт.), *братьо́* (ласк.) ‘брат’ (Саб.), *чаду́сьо* (ласк.) ‘ребенок’ (Гойс.). Семантическая и формальная близость детской и уменьшительно-ласкательной лексики обуславливают тот факт, что одни и те же лексемы в одних словарях приводятся с пометой «детское», а в других с пометой «уменьшительно-ласкательное». Так, к примеру, слово *ляля* ‘ребенок’ в словаре Дуды имеет помету «ласкательное», а в словаре Турчин — «детское». Отдельные лексемы снабжены сразу двумя пометами: *цюмати / цю́кмати* (дет. и ласк.) ‘целовать’ (Оныш.); *сідка́ти* (дет., ласк.) ‘садиться’ (Саб.).

Наименования животных. В карпатоукраинской детской лексике представлено огромное разнообразие наименований животных. Сюда относятся названия домашних и (редко) диких животных, крупного рогатого скота, домашней и (редко) дикой птицы.

В большинстве указанных карпатоукраинских словарей зафиксированы детские наименования для коровы, овцы, свиньи, курицы, утки, кошки и собаки:

корова — *бу́ня* (*бу́ніу*) (Яп.); *бі́ська, нана, няня, ті́ська* (Оныш.); *мі́ня* (Дуда); *ці́зя I* (Турч.); *няня́ка* (Саб.);

овца — *ба́зя* (Турч.); *бі́ська, не́цька, пру́ська, пру́шка* (Оныш.). Закарпатское *бы́рька* ‘овца’ в словаре Сабадоша приводится с пометой не «дет-

⁹ Т. Линник пишет: «Уже на раннем этапе вносится одно из важнейших в социальном плане противопоставлений “свой/чужой”»: такие слова [...] как *мама, тато* различают своих и чужих, которые передаются словами *дядя, тьотя*. Интересным является факт реализации этого противопоставления в фонетически родственных диалектных формах *тЯтя* “отец” [...] и *тЯто* “чей-то отец, не свой”» [Линник 2002].

ское), а «ласкательное» (*Отó пасу́ц':а мо́йй быр'кы́*), как и гуцульское *бiрька* ‘овца, ягненок’ в словаре М. Астафьевой и А. Воронич;
 свинья — *кyця* (Дуда, Турч.); *пiця* (Оныш.); *цyйка* (Саб.); *цyока* (Гойс.);
 курица — *пiтiка* (Саб.); *тyтя*, *тyтька* I, *тyопа*, *тyюпка*, *цyопа*, *цyюпочка*, *цyюця* (Оныш.);
 утка — *кiця* (Дуда); *тiся*, *тiська* (Оныш.); *тасi* (Гойс.);
 кошка — *мiня*, *ми́ня*, *ми́ця* (Оныш.); *ми́нька*, *ми́нька* ‘кошка’, *мынькó* ‘кот’ (Саб.);
 собака — *гiва* I (Аст.); *гiва*, *песьо* (Турч.); *гiва* II, *песьо* (Оныш.); *гiва*, *пiсько* (Саб.);
 кролик — *трусь* м. (Дуда)¹⁰;
 волк — *вóва* I: *Ц''iс''ко*, *бо прiйде вóва i д'итину згáмат*; *гiва* III (Оныш.).

Одни и те же детские лексемы в разных говорах (а иногда даже в одном!) могут служить для обозначения как взрослого животного, так и детеныша этого животного. Например: *бiзя* ‘овца’ (Турч.) — *бiзья*, *бiзiятко*, *бiзька* ‘ягненок’ (Дуда); *бiрька* ‘овца’ (Саб.) — *бiрька* (ласк.) ‘овца, ягненок’ (Аст.); *зyзя* ‘гусь, гусенок’ (Гойс.); *кyця* ‘свинья, поросяенок’ (Турч., Дуда); *мiня* ‘корова, теленок’ (Дуда); *тiзя* ‘теленка (даже корова)’ (Гойс.); *тyтя* ‘курица’ (Оныш.) — *тyтья*, *цyпiнка* ‘цыпленок’ (Дуда); *цyйка* ‘свинья, поросяенок’ (Саб.); *цiзя* ‘корова, теленок’ (Турч.).

Изредка одна и та же лексема в различных говорах может обозначать различных животных. Так слово *бiська* в бойковских говорах может означать 1. ‘овца’, 2. ‘корова’, 3. ‘скот’ (Оныш.); а детское *ми́ня* может значить как ‘корова’ (Дуда), так и ‘кошка’ (Оныш., Саб.).

Детские наименования коня, лошади были выявлены только в бойковском словаре Онышкевича, при этом в словаре представлены сразу несколько диалектных вариантов: *гiйтa*, *кóня*, *цyбóнька*, *цyбóньо* (Оныш.).

Для ряда животных зафиксированы единичные детские лексемы в отдельных словарях карпатоукраинских говоров: лемковское *зyзя* ‘гусь’, *кyка* ‘вши, гниды’ (Гойс.); гуцульское *тóга* (только ед.) ‘всякие земноводные: жабы, гадюки, ящерицы’ (Аст.) и *гóдзя* ‘маленькое насекомое, жучок, вошь’ (Аст.), закарпатское *тóга* ‘любое насекомое’ (Саб.)¹¹. При

¹⁰ Слова *трусак* ‘кролик’, *трусiя* ‘крольчонок’, *трусiька* ‘крольчиха’ в бойковском словаре Онышкевича даются без каких-либо помет.

¹¹ Детское слово *гуля* в значении ‘голубь’ в рассматриваемых словарях представлено только в лемковском словаре Дуды, однако оно, безусловно, имеет более широ-

этом, как видно на примере *róta*, одна и та же лексема может в разных карпатоукраинских говорах служить для обозначения различных представителей животного мира (о *záva* и *róta* см. также ниже).

Примечательно, что в исследуемых словарях выявлены детские слова не только с конкретным значением (как можно было ожидать, учитывая специфику общения с маленьким ребенком), но и с собирательным. К таким можно отнести бойковское *шуня* ‘скот’ и *бiська*, которое в отдельных бойковских говорах также обозначает ‘скот, скотину’, а в других имеет конкретное значение ‘овца’ или ‘корова’ (Оныш.), а также уже упомянутое гуцульское *róta* ‘всякие земноводные’ (Аст.).

Детские наименования животных в карпатоукраинских говорах теснейшим образом связаны со словами для подзыва/отгона животных. «Подзывные слова или подзывы — общее название для слов клича (зова, подзывания), отгона (отпугивания), подгона, выгона, загона и других команд для животных. По функции они близки к императивным междометиям с той разницей, что адресованы не людям» [Иванов 2016: 14].

Среди рассматриваемых словарей заметно выделяется словарь бойковских говоров М. Онышкевича, так как в нем представлены диалектные междометия для подзыва/отгона самых разных животных: помимо многочисленных подзывных слов для основных видов скота и домашних животных (коров, быков, телят, овец, баранов, ягнят, свиней, поросят, коней, кур, гусей, уток, индюков, кошек, собак), зафиксированы междометия для отгона ястреба (*галя-галя*), волка (*бий-бий-на*), голубей (*дузь-дузь, кша*) и др. Многие детские наименования животных образованы именно от подзывных слов. «В определенный период взрослые начинают показывать детям слова, передающие “голоса” животных, а также слова, позволяющие установить с животными контакт (подзывные слова). В сознании ребенка эти слова ассоциируются с самими животными и служат источником образований детских наименований животных» [Иванов 2015]. В результате подобных процессов в карпатоукраинских говорах можно обнаружить, в частности, следующие пары:

базю-базю ‘подзывали овец’, *базь-на!* ‘отгоняли овец’ — *базі, базьки* (дет.) ‘ягнята’ (Гойс.); *базь-базь* ‘подзывали овцу’ (Дуда) — *бáзья, базя́тко, бáзька* ‘ягненок’ (Дуда);

кое распространение. Как уже упоминалось в начале статьи, рассматриваемые карпатоукраинские словари относятся к словарям дифференциального типа и могут не включать в себя лексику, закрепившуюся в украинском литературном языке.

бісь-бісь ‘подзывают бугая’, *біську-на* ‘подзывают быков’ — *біська* II (дет.) ‘корова’ (Оныш.);

зайта — I. (дет.) ‘конь’, II. ‘команда коню «направо»’ (Оныш.);

куць-куць ‘подзывают поросят’ — *кўця* (дет.) ‘поросенок’ (Турч.);

кўцю-кўцю ‘подзывают свиней’ — *кўця* (дет.) ‘свинья’ (Дуда);

минь-минь ‘подзывают кошек’ — *миня* (дет.) ‘кошка’ (Оныш.);

мынь-мынь ‘подзывают кота (кошку)’ — *мынькó* (дет.) ‘кот’ (Саб.);

не-не ‘подзывают овец’ — *нецька* (дет.) ‘овца’ (Оныш.);

ня-ня ‘подзывают коров’ — *няня* (дет.) ‘корова’ (Оныш.);

на цізя, на ‘подзывают корову’ — *цізя* (дет.) ‘корова, теленок’ (Турч.);

пáцю-пáцю ‘подзывают свиней’; *паць* ‘отгоняют свиней’ — *пáця* (дет.) ‘свинья’ (Оныш.);

пруська-на ‘подзывают овцу’ — *пруська* (дет.) ‘овца’ (Оныш.);

тю-тю

цьи-цьи ‘подзывают свинью или поросенка’ — *цьіка* (дет.) ‘свинья, поросенок’ (Саб.);

цьип-цьип ‘подзывают цыплят’ — *цьипка* ‘цыпленок’ (Дуда);

цьонь, цьось, цьося ‘подзывают коней’ — *цьóньо, цьóнка* (дет.) ‘конь’ (Оныш.);

цюку-цюку ‘так зовут свиней’ — *цюка* (дет.) ‘поросенок’ (Гойс.);

цюцю-цюцю-цюцю ‘подзывают кур’ — *цю́ця* (дет.) ‘курица’ (Оныш.) и др.

Одно и то же слово может в разных говорах использоваться для отгона/подзыва различных животных. Так, слово *гузя* в различных бойковских говорах используется для 1) отгона ягнят, 2) награвливания собак (Оныш.); *на, тіську, на!* употребляется применительно к коню или к корове (Оныш.); подзывом *тю-тю* подзывают 1) собак, 2) кур (Оныш.). При этом в других карпатских и не только карпатских украинских говорах междометие *тю-тю* используется для подзыва кур.

У отдельных междометий для подзыва/отгона животных сфера применения может быть очень широкой. Так, бойковское междометие *ушь, ушь* служит для отгона 1) ‘кур’, 2) ‘уток’, 3) ‘гусей’, 4) ‘индюков’, 5) ‘коров’, 6. ‘голубей’ (Оныш.).

В рамках одного говора могут функционировать различные междометия для подзыва животных, причем для одних из них в говоре могут быть представлены соотносимые детские наименования животных, а для

других нет. Так, в словаре лемковского говора села Тылыч зафиксирована пара *куця* ‘поросенок’ — *куць-куць* ‘подзывают поросят’, а для междометия *гудзю-гудзю* ‘подзывают поросят’ в словаре нет соотносимой детской лексемы для обозначения самого животного (Турч.), хотя возможно, что не все детские слова были зафиксированы в рассматриваемых диалектных словарях.

Похожие словообразовательные связи можно обнаружить и для упомянутых выше слов с пометой «ласкательное», формально и семантически примыкающих к детской лексике:

бірка (ласк.) ‘овца, ягненок’ — *бирь* ‘отгоняют овечь, ягнят’ (Аст.);

бріцька (ласк.) ‘ягненок, овечка’ — *б-р-р-р* ‘подзывают и отгоняют овец’ (Аст.).

Отдельные карпатоукраинские наименования животных, безусловно связанные с междометиями для подзыва/отгона животных, не имеют специальных помет и функционируют в говорах как нейтральные слова: *базюк, базьо* ‘баран’ при *базю-на, базь-базь* ‘подзывают барана’ (Оныш.).

Интересный случай представляет собой зафиксированное в словаре бойковских говоров Онышкевича междометие для подзыва курицы и связанное с ним название курицы, употребление которых ограничено определенным временем года: *сипу-сипу* ‘звучат кур во время Святого вечера, чтобы «сыпали» яйца весь год’ — *сипучка* ‘название курицы, но только во время Святого вечера, чтобы «сыпала» яйца весь год’ (Оныш.).

В карпатоукраинских подзывных словах широко представлены нестандартные звуки и их сочетания, например: *б-р-р-р* ‘междометие, которым подзывают и отгоняют овец’ (Аст.); *пр* I. ‘подзывают свиней’, II. ‘отгоняют коней’ (Оныш.); *бир-бир, бррр-бррр, пррь-бе, пр-пр-на, пр-пр-пр, пррсь-на-на, пр-пр-пруська* ‘подзывают овец’; *куцькуа-куцькуа-куцькуа* ‘отгоняют свиней’ (Оныш.); *п* ‘междометие, которым подзывают котов’: *П, минька!*; *прсь* ‘отгоняют кошек’, *цькуб-цькуб* ‘издалека подзывают свиней’ (Оныш.); *цюррр* ‘подзывают цыплят’ (Оныш.); *а бфурр* ‘подзывают овец, которые отбиваются от стада’; *прррла* ‘подзывают овец’ (Jan.) и многие др. О «неканонической фонетике» обеих периферийных групп — подзывных слов и детского лексикона — пишут исследователи применительно к другим языковым группам, в частности, финно-угорским языкам и диалектам [Иванов 2014]. Применительно к детским словам на рассмотренном карпатоукраинском материале о нетипичной фонетике можно говорить, например, в случае лемковского

б-р-р-у ‘пить’ (Турч.), бойковского *прь-тю, пр-ту* ‘прогулка, идти на прогулку’ (Оныш.).

Многие подзывные слова возникли в результате подражаний звукам животных, но в отдельных случаях мы можем иметь дело с заимствованиями из контактирующих языков. Так, М. Онышкевич приводит подзывное бойковское слово *хóсьту́, хóшьту́* ‘подзывают собак’ и указывает для него возможный источник: польское *chodź tu* ‘иди сюда’.

Отсутствие или нерегулярная представленность в диалектных словарях детской лексики или подзывных слов препятствует выявлению системных словообразовательных связей между этими двумя периферийными лексическими группами. Так, в закарпатском словаре Сабадоша при обилии детской лексики, к сожалению, практически не зафиксированы слова для подзывания/отгона животных (единичный случай: *ня-ня* ‘междометие, которым подзывают корову, теленка’ — *няня́ка* (дет.) ‘корова’), что не позволяет выявить системные связи между детской лексикой и подзывными словами в данном говоре.

От детских слов в свою очередь могут путем суффиксации образовываться новые слова, и иногда мы имеем дело с целыми словообразовательными гнездами, в основе которых лежат подзывные слова. Например, бойковское *на́цю-на́цю* ‘подзыв свиней’, *пауць* ‘отгоняют свиней’ — *на́ця* (дет.) ‘свинья’ — *пауця́* ‘поросенок’ — *пауцьок* ‘кабан’ — *пауцьо́ча* ‘кабанчик’ — *пауця́чка* ‘свиной навоз’ (Оныш.)¹².

В целом можно констатировать, что в карпатоукраинских диалектах подзывная лексика представлена чрезвычайно широко, в то время как в литературном языке закрепились лишь отдельные слова для подзыва/отгона животных.

Наименования еды, продуктов питания. Детские наименования основных продуктов питания зафиксированы в большинстве рассмотренных словарей карпатоукраинских говоров:

¹² М. Н. Толстая обратила внимание на разницу в ударении в формах *на́ця* (дет.) ‘свинья’ и *пауця́* ‘поросенок’, что, судя по всему, говорит о различном происхождении этих форм (ударное *-я́* в *пауця́* < *-ѣ) и их различном словоизменении (детское *на́ця* должно склоняться как существительное ж. р. на *-а*, а *пауця́* ‘поросенок’, вероятно, склоняется как слова ср. рода, обозначающие детеншей животных). Возможно, в совпадающих лемковских наименованиях взрослого животного и его детеныша (*зю́зя, ку́ця, ми́ня, ти́зя, ці́зя*) вследствие формирования постоянного ударения произошла нейтрализация акцентуационных различий.

еда — *гам* (Аст.); *гáму, náпу* (Оныш.); *nána* (Турч., Дуда);

хлеб — *калькó* (Саб.), *nána* (Турч.). В словаре Онышкевича слово *nána* ‘хлеб’ дано без пометы «детское», при этом дальше идет производное *nánka* (дет.) ‘см. *papa*’ (Оныш.);

молоко — *мóня, мóцьо* (Дуда); *моцьо* (Гойс., Турч.), *моньо* (Турч.); *кашúня* II, *мóлькo, мóньo* (Оныш.); *мунькó* (Саб.);

каша — *кáси, кашúня* I (Оныш.);

яйцо — *кóко* (Оныш.); *яйко* (Турч.);

мясо — *бúдзя* (Турч., Гойс.); *м’яня, цю́ци* (Оныш.);

сахар — *си́си* (Яп.), *цю́цьо* (Турч.); *цю́цьо/цю́цю* II ‘сахар’ (Оныш.)¹³;

конфета — *бóня, бамбóни, цю́цьо/цю́цю* I (Оныш.), *цю́цьо* I (Турч.).

Для следующих продуктов детские лексемы были зафиксированы лишь в отдельных словарях: *бáльо* ‘бублик’ (Дуда); *ínka* ‘картофель’ (Саб.); *мáсьо* ‘масло’ (Гойс.); *ни́ни* ‘сало’ (Оныш.).

Заметим, что в большинстве рассматриваемых словарей зафиксированы детские слова/глаголы со значением ‘есть’: *гам, гáмати* (Аст.); *гáму* (Турч.); *гам, гáму, гáмцяти, й́цяти* (Оныш.); *гамáти, ням-ням, папáти, náпу-náпу* (Дуда); *ичкáти* (Саб.). При этом особые детские слова со значением ‘пить’ встречаются значительно реже: *б-р-р-у* (Турч.), *пíткы* (Саб.). В словаре Онышкевича глагол *цй́цяти* имеет значение ‘пить’ с пометой «детское», при этом в словаре Турчин зафиксировано также *цй́ци* ‘есть’ (ср. там же *цй́цяти* ‘сосать (про ребенка)’). Оба слова, очевидно, связаны с процессом кормления грудью (ср. *цй́ци* (дет.) ‘женская грудь: *Дам ти цй́ци* (Оныш.); *цй́ци, цй́ця* ‘сосок человека или животного; женская грудь’ и *цй́цяти* ‘сосать грудь (про ребенка, детеныша животного)’ (Саб.); *цй́цак* ‘поросенок, который еще сосет’ (Дуда)), а применительно к грудным детям и совсем маленьким детенышам млекопитающих действия ‘пить’ и ‘есть’ едва ли различимы.

Наименования частей тела. В карпатоукраинских словарях зафиксированы следующие детские наименования различных частей тела (больше всего в лемковском словаре Александра Гойсака):

рот — *бу́зя, бу́зько, бу́зьок* (Аст.), *бу́зя, бúдзя* (*Дай будзі*), *гамбу́ся* (Гойс.; ср. *гáмба* ‘уста, рот’); *бу́зья, гáмця, гамбу́ся, гамбй́чка, мацьй́цька бу́зя, папу́ля* (Дуда);

¹³ Для последнего примера автор приводит польское соответствие *си́си*

(женская) грудь — *цїці* (Оныш.); *цїця* (Дуда); *цїці, цїїця* (Саб.);
 волосы — *вóсі, вóськи* (Гойс.);
 спина — *пїги* (Гойс.): *Под на пїги. Ход тя возьму на пїги;*
 ноги — *нóзі* (Гойс.);
 нос — *нóсьо* (Гойс.);
 палец — *пáльо* (Гойс.);
 руки — *рúці* (Гойс.).

Только в закарпатском словаре Сабадоша представлены детские наименования половых органов:

нішка ‘мочевыделительный орган у человека’ от детского же *ніша* ‘моча’ (Саб.);

нóтя ‘I. птичка, II. (перен. дет.) ‘пенис у маленького мальчика’ (Саб.)¹⁴. Схожий перенос значения мы наблюдаем в случае русского детского ‘петушок’. Подобные лексемы можно считать проявлением в детском лексиконе так называемого «птичьего кода» в названиях гениталий, широко представленного в славянских и не только славянских языках и диалектах [Горячева 2012: 73–75].

Наименования предметов одежды. В указанных словарях выявлено всего несколько лексем, связанных с одеждой.

рубашка — *кóтька* (Саб.); *лбóля* (Дуда); *лбóля, лбóлька* (Оныш.).
 туфельки — *бїйби, бўйці* (Гойс.); *чóпці, цбóпці* (Оныш.).
 платок — *хўся* (Гойс.)

Наименования различных предметов, в том числе игрушек:

гребешок — *чéся* (Гойс.);
 горшок — *гóньо, гóнцьо* (Гойс.);
 игрушка — *цїцьо* (Гойс.); *чáчко* (Дуда);
 колесо — *кóтько* (Дуда);
 колыбель — *гўця* (Гойс.);
 коляска — *гéйзя* (Гойс.); *лбóля* (Турч.).

¹⁴ В том же словаре есть еще очевидно родственное, но не имеющее пометы «детское» *нóтка* ‘вульва девочки’.

Слова, связанные с религией, народным верованиями:

Бог, Боженька — *Бóзя* (Аст.), *Бози́сьо* (Дуда), *Бóзьо*, *Бóзьоь*, *Бози́сьо* (Турч.);

церковь — *бóмба* ‘церковь’ (Гойс.), вероятно, возникшее как звукоподражание [Алексеева 2021: 148].

В карпатоукраинских словарях зафиксированы также слова, для обозначения мифических существ, которыми пугают детей¹⁵: *ráva* II ‘мифическое существо, которым пугают детей’ (Аст.); *vóva* III ‘что-то страшное’; *záva* I: *Ц”іс”ко, бо прийде́ záva-кúс”ка і тебе́ з”з”іст* ‘что-то страшное’ (Оныш.). Последний пример интересен тем, что в роли *гавы*-страшилища выступает *кúська* ‘вид волосатой гусеницы’ (Оныш.). Здесь стоит вспомнить гуцульское *tóta* ‘всякие земноводные: жабы, гадюки, ящерицы’ (Аст.) и закарпатское *tóta* ‘любое насекомое’ (Саб.), которое автор словаря возводит к рум. *gogă* ‘страшилище’. Таким образом, различные виды насекомых и ползающих животных могут восприниматься как нечто страшное и пугающее (по крайней мере для детей).

В целом среди детских слов в карпатоукраинских говорах гораздо больше слов, обозначающих предметы и действия/ситуации, чем признаки предметов. Лишь небольшое количество диалектных детских слов грамматически оформлены как прилагательные. К словам, характеризующим предмет, относятся: гуцульское *cziczanyj* (*czícíynyj*) ‘красивый’ (Jan.); закарпатское *дюдя́ный* ‘холодный’ и *ниці́кий* дет. ‘маленький’ (Саб.); лемковское *цясь* ‘хороший, послушный, красивый (приговаривают, глядя младенца по голове)’ (Турч.). Последний пример отражает характерное для РОД сопровождение слова действием. В случае бойковско-го *чі́ча* ‘1. игрушка; 2. красивый’ (Оныш.) мы имеем дело с типичным для РОД совмещением в одном слове грамматических признаков различных частей речи, в данном случае существительного и прилагательного (ср. *гам* 1. ‘еда’, 2. ‘есть’; *гóба* ‘танцевать, танцуй’; ‘танцы’ (Оныш.)).

В редких случаях пометой «детское» снабжены наречия, образованные от прилагательных, в основе которых лежат детские слова. Ср. *дюдя́но* ‘холодно’ < *дюдя́ный* ‘холодный’ < *дюд́я* ‘холод’ (Саб.).

Как уже упоминалось, многие карпатоукраинские детские слова образованы от слов для подзыва/отгона животных. Некоторые детские слова

¹⁵ О персонажах, которыми у славян пугали детей, см. [Раденковић 2000].

очевидно возникли в результате звукоподражания (*цьом* ‘поцелуй’, *гам, гамати* ‘есть’). Кроме того, значительная часть детской лексики возникла путем фонетического и морфонологического преобразования обычных «взрослых» слов. Говоря о деривации карпатоукраинского детского лексикона, можно выделить несколько наиболее характерных процессов:

1) Редупликация, которая может быть полной (пр. *бібі, дуду, тіти, куп-куп, кусь-кусь, ляля, но-но, пу-пу, спай-спай, тані-тані, чічі, чуну-чуну*) или частичной (пр. *во́ва, зю́зя, ку́ка*).

2) Усечение слова (пр. *ху́ся < хустка; че́ся < чесати*). Усечение может сопровождаться редупликацией (пр. *нини < солонина*) или последующей суффиксацией (см. п. 4). Усечению могут подлежать конечные слоги/сочетания звуков (пр. *мо́ньо < молоко; па́льо < палець; цю́цьо < цукор/цукерка*), начальные (пр. *бо́ня < бамбо́ны*), а также срединные (пр. *пи́цікий* дет. ‘маленький’ при «взрослом» *пи́ціцький, пи́цінький* ‘малюсенький’ (Саб.)). Возможно, закарпатское детское *інка* возникло в результате усечения начального *р’* у слова *ріпка* — уменьш.-ласк. формы *ріпа* ‘картофель’¹⁶.

3) Суффиксация. Для лексики РОД в целом характерна экспрессивная суффиксация. Так, в большом количестве карпатоукраинских детских, а также уменьшительно-ласкательных слов (в частности, наименований людей и животных) экспрессивная коннотация достигается с помощью конечного *-ьо*: *ба́льо* ‘бублик’ (Дуда); *Бо́зьо* ‘Боженька’ (Турч.); *братьо* ‘брат’ (Саб.); *братцьо* ‘брат’ (Оныш.); *дзя́дзьо* ‘дедушка’ (Пыр.); *ге́тьо* ‘папа’ (Аст.); *Миха́йльо* (Оныш.); *мудьо* ‘пакостник’ (Оныш.)¹⁷; *ня́ньо* ‘отец, папа’ (Саб.); *сватцьо* ‘сват (кто сватает)’ (Оныш.), *сивцьо* ‘сивый конь’ (Оныш.); *синцьо* (перен.) ‘милый, любимый’ (Оныш.); *те́сьцьо* ‘тесть’ (Турч.); *цьо́ньо* ‘конь’ (Оныш.); *цю́цьо* ‘сахар’ (Турч.); *чаду́сьо* ‘ребенок’ (Гойс.); *я́пцьо* ‘яблоко’ (Оныш.)¹⁸ и др. Во многих случаях

¹⁶ Благодарим за это ценное замечание М. Н. Толстую.

¹⁷ Это образование сложно отнести к ласкательным, хотя его экспрессивность очевидна, однако здесь можно вспомнить следующее: «[...] уменьшительно-ласкательные суффиксы [...] на первый взгляд, могут быть отнесены к категории явно положительных. Но в действительности у этих суффиксов имеется важный общий элемент с суффиксами общеотрицательной оценки — позиция “сверху вниз” у говорящего. Уменьшительность или ласкательность в наименовании предмета почти всегда содержит в себе элемент снисходительности, то есть одного из вариантов общей позиции “сверху вниз”». [Зализняк 2012: 652].

¹⁸ Сюда же можно отнести слова *песцьо* ‘любимец’ (Турч.), *мицьо* [‘бутуз’] (Дуда, Гойс.), не имеющие специальных помет, но по своему значению и форме явно при-
мыкающие к уменьшительно-ласкательным и детским словам.

благодаря конечному *-bo* появляется двухсложная структура, к которой в целом тяготеет лексика РОД: *носьо* ‘нос’ (Гойс.), *песьо* ‘пес, собака’ (Турч.). Возможно, широкое распространение данной модели произошло под влиянием польского языка, в котором с помощью форманта *-o-* с сопутствующей палатализацией предшествующего согласного образуются многие уменьшительно-ласкательные формы, прежде всего от мужских имен собственных (*Gucio* < *Gustaw*, *Tadzio* < *Tadeusz*, *Kazio* < *Kazimierz* и др.);

4) устранение консонантных кластеров (пр. *лізяти* < *лізти*; *пáйцю* < *спáйцю* < *спати*);

5) субституция звуков, прежде всего субституция твердых согласных палатализованными: *їцяти* (ср. *їсти*); *кúсїти* несов. (ср. *кусати*); *плацїти* (ср. *плакати*); *лізькáти* ‘ложиться’ (ср. *лягати*) (Саб.); *пла(я)цяти*, *плякса*, *цюцьо* (ср. *цукор*) (Дуда) и др. Обилие палатализованных согласных является характерной фонетической чертой детского лексикона. С. Кодзасов писал о символической закреплённости признака палатализации за семантикой малости, обусловленной тем, что «для речи детей младшего возраста (приблизительно до двух лет) очень характерно несколько палатализованное произношение переднеязычных» [Кодзасов 1975: 70].

В целом можно констатировать, что с точки зрения фонетики карпатоукраинский детский лексикон обладает основными чертами, характерными для лексикона РОД: слова преимущественно двусложные, оканчиваются на открытый слог, имеют в своем составе большое количество палатализованных согласных, многие (прежде всего наименования животных) несут отчетливые признаки ономотопеи.

Некоторые карпатоукраинские детские слова представлены только в отдельных исследуемых диалектных словарях (например, лемковское *брру* ‘пить’ (Турч.), *зіюзя* ‘гусь’, *кúка* ‘вши, гниды’ (Гойс.); бойковское *вова* ‘волк’, *м’я́мня* ‘мясо’, *няй* ‘не трогай’, *чúпу-чúпу* ‘семенить’ (Оныш.); гуцульское *гóга* ‘всякие земноводные: жабы, гадюки, ящерицы’ и *гóдзя* ‘маленькое насекомое, жучок, вошь’ (Аст.); закарпатское *гóга* ‘любое насекомое’, *їчкáти* ‘есть’, *їнка* ‘картофель’, *нітка* ‘курица’ (Саб.) и др.). Отметим, что в целом в закарпатском словаре И. Сабодоша выявлено больше детских лексем, не имеющих соответствий в остальных рассмотренных словарях карпатоукраинских говоров. Многие из выявленных детских лексем нашли отражение сразу в нескольких рассмотренных

словарях карпатоукраинских говоров (например, лемковское, гуцульское, бойковское и закарпатское *гава* ‘собака’ (Аст., Турч., Оныш., Саб.); лемковское и бойковское *нэсьо* ‘собака’ (Турч., Оныш.); лемковское и бойковское *мóня/мóньо* (Дуда, Турч., Оныш.); бойковское и лемковское *цю́цьо* ‘конфета’ (Оныш., Турч.), а в гуцульском оно же в значении ‘сахар’ (Jan.) и др.). Часть детских слов известна большинству украинских говоров и украинскому литературному языку (*бусь* ‘упадешь!’, *гамати* ‘есть’, *дюдя* ‘холод, холодно’, *ляля* ‘маленький ребенок’, *папа* ‘хлеб’, *тютя* ‘курица’, *цьом* ‘поцелуй, целовать’ и др.). Отдельные лексемы известны не только восточнославянским, но и другим славянским и неславянским языкам (например, *папа* ‘хлеб’). В целом можно утверждать, что в живых народных говорах детская лексика представлена значительно полнее и разнообразнее, чем в литературном языке, однако распространение тех или иных лексем в украинских говорах требует дальнейшего изучения.

Особый интерес представляют детские лексемы, имеющие соответствия в неславянских языках карпатского ареала, на которые обращают внимание авторы словарей: «*бóба* (нескл. дет.) ‘ягодки; смородина’. *Тiхо, нé плач, мáма нéсé бóба*. — Ср. с.-х. *боба* ‘ягода можжевельника’, рум. *boaba* ‘ягоды винограда’» (Оныш.); «*гóга, ы* (ж., дет.) ‘любое насекомое’. *Мигáл’ку, не кýвай тóгу, бо вкýс’iйе т’а*. — Ср. рум. *goga* ‘страшилище’» (Саб.); «*хúтю* (дет.) ‘собака’. — Ср. венг. *kutyu* [‘собака’] (Оныш.). Представляется необходимым изучение карпатоукраинского детского лексикона в ареальном аспекте для выявления его связей с лексикой РОД контактирующих диалектов.

Источники

- Астаф’ева М., Воронич Г.* Словник гуцульських говірок Річки та Яворова. Ч. 1. А–Ж. Івано-Франківськ, 2014.
- Дуда І.* Лемківський словник. Тернопіль, 2011.
- Онишкевич М.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Т. 1–2.
- Пиртей П.* Короткий словник лемківських говірок / упор. Є. Д. Турчин. Івано-Франківськ, 2004.
- Сабодош І.* Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород, 2008.
- Турчин Є.* Словник села Тилич на Лемківщині. Львів, 2011.
- Hojsak O.* Słownik gwary łemkowskiej wsi Wysowa / oprac. M. Aleksiejewa, J. Rieger. Warszawa, 2018.
- Janów J.* Słownik huculski / oprac. J. Rieger. Kraków, 2001.

Литература

- Алексеева 2021 — *Алексеева М. М.* Детская лексика в лемковском словаре Александра Гойсака (говор села Высова) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М., 2021. С. 131–141.
- Андреева 2018 — *Андреева Е. А.* Фонетические особенности речи, обращенной к ребенку: история вопроса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3 (792). С. 9–20.
- Гаврилова 2002 — *Гаврилова Т. О.* Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- Гагарина 2008 — *Гагарина Н. В.* Этапы развития глагольных форм в детской речи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 (12). С. 157–167.
- Горячева 2012 — *Горячева Т. В.* Этимологические заметки по русской и славянской лексике // Этимология 2009–2011. М., 2012. С. 63–77.
- Дзедзелівський 1987 — *Дзедзелівський Й. О.* Програма для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови. Київ, 1987.
- Зализняк 2012 — *Зализняк А. А.* Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. М., 2012. С. 650–664.
- Зеленкова 2016 — *Зеленкова Е. А.* Фонетические особенности речи взрослого в разговоре с ребенком (на материале британского варианта английского языка) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (740). С. 66–77.
- Иванов 2014 — *Иванов В. А.* Подзывные слова в финно-угорских и русских диалектах и их связь с названиями животных // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Уфа, 2017. С. 47–52.
- Иванов 2015 — *Иванов В. А.* Детские слова и их место в языке (на материале финно-угорских языков) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Уфа, 2015. С. 97–99.
- Иванов 2016 — *Иванов В. А.* О двух периферийных лексических группах в горномазийском языке // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 13–23.
- Кодзасов 1975 — *Кодзасов С. В.* Две заметки о звуковом символизме // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975. С. 63–70.
- Линник 2002 — *Линник Т. Г.* Специфічно дитячі слова української мови: семантика та морфологія // Культура народов Причерноморья. 2002. № 32. С. 87–90 (цит. по: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/75163/30-Linnik.pdf?sequence=1>).
- Макарова 2011 — *Макарова А. Б.* Между глаголом и существительным: русские слова типа *баиньки* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2011. № 3. С. 354–359.

- Раденковић 2000 — *Раденковић Љ.* Страшила за децу — неке словенске паралеле // Животни циклус. Реферати бугарско-српског научног скупа. 12–16 јуни 2000. Софија, 2000. С. 146–155.
- Сигал 2019 — *Сигал К. Я.* А. М. Шахнарович и теорија дечјој голофрази // Вопросы психоллингвистики. 2019. № 4 (42): К 75-летию со дня рождения А. М. Шахнаровича. С. 14–25.
- СРНГ 25 — Словарь русских народных говоров. Л., 1990. Вып. 25.
- СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. I–XI.
- Ferguson 1978 — *Ferguson C. A.* Talking to children: A search for universals // Universals of Human Language / ed. J. H. Greenberg. Stanford, 1978. Vol. 1: Method and Theory. P. 202–224.

Summary

Madina M. Alekseeva

Nursery lexicon in Carpatho-Ukrainian dialects

The aim of the paper is to present nursery lexicon registered in several dictionaries of Carpatho-Ukrainian dialects (Lemko, Boyko, Hutsul, Transcarpathian dialects). Lexemes marked as “nursery words” demonstrate features proved universal for baby talk in most languages and bear signs of contacts with other languages of the Carpathian region (first of all Polish) which leads to the idea of an areal approach in studying the Carpatho-Ukrainian nursery lexicon.

Keywords: nursery lexicon, baby talk, child-directed speech, Carpatho-Ukrainian dialects, dialectal dictionary, vocative words for animals